

Сердце содрогнулось при известии, что ушёл из жизни Юрий Бондарев, родоначальник «лейтенантской прозы», честный, не покрививший совестью, защищавший родную землю, свой народ. И теперь, ощутив всю глубину утраты, мне хочется вспомнить, как отзывался о «Юре» – так называл писателя-фронтовика его друг, поэт Егор Исаев.

Он сказал: «Юра Бондарев – он действительно думающий. Он не просто думающий, а нервно думающий. От его нерва иногда можно прикурить».

Вспоминаются встречи с Егором Исаевым, когда он говорил о Юрии Васильевиче...

Одна состоялась 25 августа 2007 года. Из неё я узнал, какую роль сыграл Бондарев в судьбе поэта... Благодаря ему Егор Исаев стал студентом Литинститута...

Я тогда спросил:

– Егор Александрович, в протоколах Воронежской писательской организации написано: «Решается вопрос о направлении в Литинститут Егора Исаева».

Исаев:

– По-моему, такого не было... Я даже не знал, есть ли она, воронежская писательская организация... А поступал в Литературный институт без воронежской писательской организации. Мне в армии предлагали остаться. Я всего лишь младший сержант, а печатался в Москве. Нас задержали. 25-й и 26-й год рождения. 26-й год, он «пострижен» был, техника уже есть, а 25-й год лёг весь... Я, подтянутый, в форме, гвардии младший сержант... Ведь у кого-то был очень заботливый ум, который очень всё понимал. К сентябрю месяцу тех, кто 26-го года рождения и имеют среднее образование, отпустить, чтобы они успели поступить в вуз! Соображал кто-то.

– И вас отпустили?

– Приехал начальник политуправления Центральной группы войск, это под Веной. Генерал-лейтенант Кладовой. И редактор Жуков. И они меня упрасивали: «Товарищ младший сержант», или «Товарищ Исаев. Вы журналист. По штату должность капитанская, майора». А я в штат не входил, но мои материалы были хорошими, да и в Москве меня печатали. «Мы вас посылаем на курсы во Львов, в политическое училище. Отделение журналистики. Проходите курсы, мы вам даём звание старшего лейтенанта, и вы остаётесь в военной редакции». А я уже в армии семь с половиной лет! Я, может быть, и согласился бы, но у меня было два письма от Долматовского и от Грибачёва. Грибачёв ведал поэзией в «Советском воине», он тогда «Красноармеец» назывался. А Долматовский – в «Смене». И ведь надо же, младшему сержанту – в Литинститут! Не уговорили меня из политуправления. А направление у меня на Бобров. Все проездные оформля-

МИХАИЛ ФЁДОРОВ

З а м е ч а т е л ь н ы е
Л ю д и

В о р о н е ж с к о г о
К р а я

ЕГОР ИСАЕВ

ются туда. Откуда призвали, туда и направляли. А я – на Москву.

А пока они меня уговаривали, время-то шло. Меня не отпускали. Я приехал в Москву – знаю, что я опоздал – на Киевский вокзал. Потом на метро до Арбата, и всё равно, беги не беги, ползком ползи, время прошло. Так я бегом от Арбатского метро. Бульвар Тверской, 25. Литинститут. Какой наив, который не соглашался с доводами головы! Пришёл, на второй этаж, заведовал кафедрой творчества Василий Александрович Смирнов. Отличный прозаик. Нет, не тот, что писал «Брестскую крепость». Я: «Вот к вам...» А он на меня посмотрел и засмеялся: «Уже и занятия идут. Вот видишь. Комиссия распущена. Всё». Я поворачиваюсь и спускаюсь вниз. Выхожу в сквер, стоит один в офицерском кителе. Следы от погон. Он говорит: «Младшой, ты чего такой?» Да я-то, родной, Господи, к нему: «Да вот, опоздал». И всё это ему рассказываю. «Как – опоздал? Это армия опоздала. Пойдём». За руку – и меня опять к Василию Александровичу. И Василий Александрович уже не мне объясняет, а ему: «Ведь никакой же рекомендации!» Обычно рекомендации от писателей, ну ничего же нет. «Ну, как?»

И когда он сказал о рекомендациях, я вспомнил: «Да у меня письма есть». – «Какие письма?»

ма?» – «От Долматовского и Грибачёва». – «Чего же ты не говорил?» А Грибачёв в это время уже был секретарём Союза писателей СССР. И он там же ведал партийной организацией. И вот поехал в Корею, тогда даже написал поэму «Ким Ир Сен». И он, вот представляешь, какие люди были? Уезжая в Корею, встретил Смирнова и сказал: вот если, не назвал фамилию, из Австрии приедет боец, вы его обязательно примите в Литинститут. Он и рассказывает. То есть я ни экзамены не сдавал, и комиссия-то распущена. И я стал студентом, а на следующий год уже получал Крыловскую стипендию, и уже у меня в военном издательстве вышла книжечка «Над волнами Дуная». Кто же этот был, в офицерской форме? Юра Бондарев. Вот что такое фронтовики!

Исаев о силе слова Бондарева...

Я спросил:

– Егор Александрович, Вы говорили, что один из ваших друзей – Юрий Бондарев.

Исаев:

– Видишь ли, я тебе скажу, ты не думай, что я в одних плюсах, как у попа погост весь в крестах. Я тоже. Я иной раз говорю Юре: «Ты ли это написал?» Он: «Действительно, как это можно написать». – «То есть ты простой мужик, ты простой командир батареи. А как это всё написать? Нет, это не ты».

– Вы имеете в виду «Горячий снег»?

– И не только. А «Батальоны просят огня»? А «Последние залпы»? И только раз он проговорился, в тишине... Вот она, неожиданная сила Юрия Бондарева – так раскрыться. Вот на Сталине уж поездили! Так его исковыряли! Ну, хватит уже! А вот столько лет со дня его смерти прошло – и ни одного романа о нём! А ведь было время, каждый о нём писал.

– Сейчас Карпов про него писал (разговор летом 2007 года).

– Видишь ли, Володя Карпов написал, а потом себя выдал. Перестал линию держать. А ведь он Герой Советского Союза. Командир взвода разведки. Командир роты разведки в армии. Соблазн велик. И я ему: «Володя, тебе нельзя хвостом вилять». А ведь я чувствую, хвостиком вильнул. Ну, зачем? Ну, а Юра Бондарев, наоборот, передерживает.

Эхо у Юрия Бондарева...

29 марта 2008 года снова говорил с Исаевым. Поводом послужило прочтение Исаевым моего рассказа «А у вас умирала мама?..». И вот на его примере Исаев говорил:

– «А у вас умирала мама?..» Пусть такое название немножко длинное, но это сразу уже понимаешь: умирала мама. Тут чего-то не хватает в названии... У Юрия Бондарева есть в «Горячем снеге», когда оставшимся батарейцам вручает «всё, что могу, всё, что могу, всё, что могу»... Вот это вот. «А у вас умирала мама?..» Вот близко к тому: «всё, что могу, всё, что могу»... Хорошо роль генерала Самсонова, по-моему, сыграл Жжёнов. «Всё, что могу, всё, что могу...» «А у вас умирала мама?..» Вот даже в самом названии и весь рассказ. Всё, это не констатация, а объём. Это даль. «А у вас умирала мама?..» Видишь, какая разница! Умирала мама – какая-то безатмосферность. Нет эха. Название без эха.

Я спрашивал:

– Егор Александрович! Ну, а у Юрия Бондарева были стрессовые ситуации, где ему тяжело приходилось?

Исаев:

– Ну, конечно.

– Какие? Вы же с ним близки.

– У него отец был работником НКВД. Я никогда у Юры об этом не спрашивал. Поэтому я и говорю – тишина. Она немножко прихвачена...

Видимо, отеческое нашло отражение в глубине таящегося за словом Юрия Васильевича смысла...

Он многим помогал...

Исаев замечал:

– Юра Бондарев, он же и Распутина подымал. Тот ему письма писал. Надо об этом говорить...

Я уже не буду вспоминать о многих других...

Сам собирался встретиться с Юрием Василевичем, об этом с ним договаривался Егор Александрович, даже один раз сам дозвонился к Бондареву домой (он жил в соседнем с Исаевым подъезде), а так в большинстве на даче... И даже договорились, что приеду... Его глуховатый, ёмкий, с звонкими нотками голос до сих пор слышится мне...

Но не доехал...

А жаль...

И жаль, что не чтит его, как он заслужил того, наша писательская среда... На тех многочисленных Всемирных Русских Народных Соборах, на которых я бывал (до 2013 года), где выступали Егор Исаев, Владимир Карпов, Владимир Крупин, я голоса Юрия Бондарева не услышал...

Его замалчивали...

Светлая память бойцу-писателю и писателю-бойцу...

От многих-многих ему земной поклон...

